

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101.1:316+ 316.74:2

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-1-135>

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ: СПЕЦИФИКА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

М. А. Чернецов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
e-mail: mseqtor@gmail.com

Аннотация. В статье предлагается методологическая основа для социально-философского исследования религиозности через понятие свободы. Целью исследования является разработка алгоритма анализа религиозно-метафизических взглядов, позволяющего сформулировать целостное и содержательное представление о духовной сфере жизни в постсекулярном обществе, в том числе – в российском обществе постсоветского периода.

Приводится обзор основных подходов к описанию религиозности населения, которые использовали российские авторы при изучении постсоветского периода. Указываются характерные для данных подходов недостатки: формальность деления по конфессиональному признаку, попытки однозначно связать человека с какой-либо религиозной организацией, стремление свести описание к количественным показателям, возможность интерпретации результатов в свою пользу заинтересованными сторонами. Констатируется, что такая методология лишала исследователей возможности зафиксировать существенные характеристики религиозности: степень влияния веры на социальное поведение, нравственное развитие индивида, его отношение к представителям других взглядов, конфессий и культур. Тем самым демонстрируется актуальность проблемы поиска новых подходов к изучению религиозности.

В качестве альтернативы предлагается комплексный анализ религиозно-метафизических представлений, основанный на разработанной доктором философских наук А. Г. Мясниковым социально-философской концепции 10 степеней свободы-самостоятельности, в которой нравственно-религиозная свобода-самостоятельность занимает 8 уровень. Приводятся основные положения концепции.

Излагается траектория исследования религиозности населения. Раскрываются аспекты, которые должны быть рассмотрены в ходе анализа, в том числе, сложность и внутренняя непротиворечивость религиозно-метафизических представлений, сфера их практического применения.

С точки зрения анализа структуры общества предлагается рассматривать человека в качестве носителя определённого типа религиозности. Этот термин обозначает собирательную характеристику, которая включает самоидентификацию, догматический, культовый, нравственный, поведенческий и другие аспекты духовной жизни человека.

В заключении приводятся некоторые оценки, сделанные по результатам анализа постсоветской религиозности на основе концепции 10 степеней свободы-самостоятельности. Указывается, что данный подход позволяет рассмотреть существенные стороны религиозности человека, механизмы её формирования, а также определить, насколько условия общества и государства способствуют всестороннему развитию личности. Делается вывод о высоком эвристическом потенциале предлагаемой методологии. Отмечается, что в ходе дальнейших исследований могут быть выявлены дополнительные факторы, анализ которых позволит сформировать более точную и содержательную картину религиозно-метафизических представлений.

Ключевые слова: постсоветская религиозность, религия, конфессиональная структура, типы религиозности, степени свободы, эволюция свободы, ловушки свободы.

Для цитирования: Чернецов М. А. Опыт социально-философского исследования постсоветской религиозности: специфика и методологическая основа // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 1. – С. 135–146, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-1-135>.

EXPERIENCE OF SOCIO-PHILOSOPHICAL RESEARCH OF POST-SOVIET RELIGIOSITY: SPECIFICITY AND METHODOLOGICAL BASIS

M. A. Chernetsov

Penza State University, Penza, Russia
e-mail: msektor@gmail.com

Abstract. *The article provides a methodological basis for socio-philosophical research through the acceptance of freedom. The aim of the research is to develop an algorithm for analyzing religious and metaphysical views, which allows to formulate a holistic and meaningful idea of the spiritual sphere of life in a post-secular society, including the Russian society of the post-Soviet period.*

The review of the main approaches to the description of the religiosity of the population, which were used by Russian authors in the study of the post-Soviet period, is given in the article. The disadvantages of these methods are pointed out: the formality of the separation on confessional grounds, attempts to unambiguously associate a person with any religious organization, the intention to reduce the description to quantitative indicators, the ability for interested parties to interpret the results in their benefit. It makes impossible for researchers to fix many essential characteristics of religiosity, such as the degree of influence of faith on social behavior, the moral development of an individual, his attitude to bearer of other views, denominations and cultures. Thus, the relevance of problem of finding new approaches to the study of religiosity is demonstrated.

As an alternative, a qualitative comprehensive analysis of religious and metaphysical ideas is proposed. It based on the socio-philosophical concept of 10 degrees of freedom-independence, developed by the Doctor of Philosophical Sciences A. G. Myasnikov. The hierarchy of freedom's degrees, where moral and religious freedom-independence occupies the 8th level, is described. The main aspects of the concept are given.

The research direction of the religiosity of the population is outlined. The aspects that should be considered during the analysis are considered in detail, including the complexity and internal consistency of religious and metaphysical ideas, the area of their practical application, etc.

From the viewpoint of analyzing the society's structure, it is proposed to consider a person as a carrier of a certain type of religiosity. This term denotes a collective characteristic that includes self-identification, dogmatic, cult, moral, behavioral and other aspects of a person's spiritual life.

In conclusion, some estimates, which are based on the results of the analysis of post-Soviet religiosity based on the concept of 10 degrees of freedom-independence, are given. It is indicated that this approach allows to consider the essential aspects of a person's religiosity, the mechanisms of its formation, and provide to determine to what extent the conditions of society and the state contribute to the comprehensive development of the individual. The conclusion is made about the high heuristic potential of the proposed methodology. It is noted that in the course of further research additional factors may be identified, the analysis of which will allow to form a more accurate and meaningful vision of religious and metaphysical ideas.

Key words: *Religiosity, religion, confessional structure, types of religiosity, degrees of freedom, evolution of freedom, traps of freedom.*

Cite as: Chernetsov, M. A. (2022) [Experience of socio-philosophical research of post-Soviet religiosity: specificity and methodological basis]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 135–146, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-1-135>.

Введение

На относительно небольшой по историческим меркам временной дистанции продолжительностью чуть более столетия произошла радикальная трансформация духовной сферы жизни общества. Сегодня этот процесс часто рассматривается через триадическую схему «традиционность – секулярность – постсекулярность». Осмысление современного положения религии и религиозных институтов, их роли в жизни индивида и общества составляет актуальную задачу социальной философии и гуманитарных наук.

Особый интерес представляют процессы, имевшие место в духовной сфере постсоветского общества, где религиозное самоопределение было тесно

сопряжено с политической и общественной жизнью человека, его положением в социальной структуре и множеством других взаимно детерминированных факторов.

С наступлением постсекулярной эпохи стало невозможно ставить знаки равенства между номинальной конфессиональной принадлежностью, фактическими метафизическими убеждениями, религиозными практиками, поведенческими паттернами, национальной самидентификацией. Поляризация по типу «верующие – неверующие», «православные – католики / протестанты» «христиане – мусульмане» и т. п. во многом сохраняется в научных публикациях в силу традиции и не отражает реальной структуры общества с точки зре-

ния доминирующих метафизических воззрений. Тем не менее, в социологических исследованиях сохраняется свои позиции тренд на как можно более точное определение доли православных, мусульман и представителей иных конфессий в общей массе населения. А поскольку основания для такого деления становятся всё более размытыми, то и информативность и эвристическая ценность подобных исследований снижается.

Альтернативой такому «количественному» подходу является качественный комплексный анализ духовной жизни общества. На сегодняшний день в данном направлении ведётся достаточно активная исследовательская работа как на концептуальном, так и на прикладном уровне, а его элементы можно усмотреть не только в профильных научных публикациях, но и, например, в релизах социологических служб.

Актуальным методом исследования сложного феномена постсоветской религиозности является рассмотрение духовной жизни через призму понятия свободы, методологические основы которого приводятся в настоящей статье. Данный подход позволяет выйти за пределы формального конфессионального деления, выявить взаимосвязь между религиозными представлениями, иными мировоззренческими установками и социальной активностью индивидов, сформировать прогностические модели дальнейшей эволюции общества.

Подходы российских и зарубежных исследователей к анализу религиозности

Понятие постсекулярности, через которое в современной социальной философии, религиоведении и социологии часто описывается актуальное положение религии, введено и развито в трудах западных учёных: Ю. Хабермаса, Х. Казановы, Ч. Тейлора и других. Данная концепция утверждает, что, миновав секулярный этап (для которого свойственны отказ от религиозной веры, отделение церковных институтов от светских, а в некоторых случаях

и преследование со стороны государства), общество вновь ощутило потребность в метафизических конструкциях. Однако теперь уже не церковные авторитеты диктуют верующим освящённые веками догматы, но сами индивидуумы конструируют свою персональную модель веры. Последние часто причисляют себя формально к той или иной религиозной организации (например, РПЦ), однако убеждения их сочетают в себе элементы многих религий, равно как и иных духовных учений, собственных измышлений и даже политической идеологии [2, с. 168] – в разных источниках это явление обозначается как эклектичная, избирательная или лоскутная религиозность. В то же время фактическое участие их в жизни общины незначительно или отсутствует вообще; влияние религиозных убеждений на повседневную деятельность незначительно; отвергаются многие традиционные артефакты церковной жизни; обращение к высшим силам носит эпизодический характер и призвано лишь найти сверхъестественное содействие и покровительство в мирских делах, а не преобразить самого человека к лучшему. Иными словами, религиозная вера хоть и принимается как часть жизни человека, но носит отныне преимущественно утилитарный характер [10, 14].

В таких условиях ставится вопрос об актуальности исследований **конфессиональной структуры** населения государства, региона, какой-либо социальной группы. Сами основания деления становятся размытыми и неясными, а обнаружение результатов лишь искусственно добавляет значимости такому делению, легитимируя принимаемые на его основе решения в сфере государственного и муниципального администрирования. Особым диссонансом это звучит в условиях снижения роли вероисповедания в формировании представлений об идентичности среди россиян. В качестве иллюстрации можно привести сравнение данных социологических опросов от 2011 и 2017 годов, опубликованное в монографии «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян».

Таблица 1. Шкала идентичностей «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать: “это – мы”?», 2011 / октябрь 2017 г., % (ответ «в значительной степени»)

Группы	2011	2017
1. Люди, строго соблюдающие законы	52	50
2. Граждане России	72	61
3. Люди того же достатка, что и Вы	42	35
4. Люди той же национальности	51	46
5. Земляки	59	55
6. Жители Вашего города, села	60	55
7. Люди Вашей веры, вероисповедания	41	34
8. Люди той же профессии, занятия, что и Вы	39	37
9. Европейцы	14	12
10. Люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы	52	52

Источник: заимствовано из [1, с. 226]

Общность веры в 2011 году была значимым фактором идентичности для 41% россиян, занимая 8 место среди 10 названных факторов, в то время как к 2017 году потеряла 7 процентных пунктов и переместилась на 9 место.

Несмотря на это, на протяжении 1990-х, 2000-х и 2010-х годов в среде исследователей продолжают попытки формализовать конфессиональное деление населения и выявить для него некоторое универсальное основание. Наибольшую популярность снизили два во многом полярных подхода: на основании самоопределения респондентов (В. Ф. Чеснокова, Ю. Ю. Синелина) и на основании их участия в религиозных практиках (С. Б. Филатов, Л. Н. Лункин, Д. Е. Фурман) [9, с. 147].

Охарактеризовать основное положение исследовательской линии Чесноковой-Синелиной можно словами последней:

«Православным верующим может считаться тот, кто называет себя православным и верит в Бога» [8, с. 77].

«Многие из них [православных – прим. авт.] могут сочетать христианство с верой в реинкарнацию, с медитациями, с упражнениями из даосской практики, особенно на первом этапе христианской жизни. Безусловно, с точки зрения христианской догматики – это вопиющая религиозная безграмотность. Но даже это, по нашему мнению, не может служить основанием, чтобы отказывать людям в праве именовать себя православными, если они так себя определяют, поскольку эти люди на пути к целям, установленным Церковью» [7, с. 95].

(Отметим, что в работах В. Ф. Чесноковой имеет место попытка провести градацию номинальных верующих по степени их вовлеченности в религиозную жизнь, для чего вводится так называемый «индекс воцерковлённости» или «В-индекс», оценивающий по 5-балльной системе 5 фиксируемых статистически показателей: частота посещения храма, принятия причастия, молитв, чтения Евангелия и соблюдение постов).

Ю. Ю. Синелиной была сформирована наиболее распространённая хронологическая модель развития религиозности в постсоветской России:

1. «Религиозный бум» – активный рост количества верующих в 1989–1995 годах, когда число россиян, исповедующих православие, увеличилось с 20–30% до 50–60%.

2. Первый период умеренного роста – 1995–2004 годы, когда в течение десятилетия доля верующих православных приблизилась к 65%.

3. Стабилизация структуры религиозности – 2004–2008 годы. Некоторые исследователи полагали, что достигнут принципиальный предел роста доли православных.

4. Второй период умеренного роста – с 2008

года. Доля православного населения достигает 70–72% [13, с. 1295].

Транслируя подход Ю. Ю. Синелиной на последующие годы, можно говорить о втором периоде стабилизации, по крайней мере, в пределах 2012–2015 годов.

Данный подход многократно подвергался критике, за упрощённый, линейный характер результатов, игнорирование аспекта влияния религиозных установок на повседневную жизнь, возможность интерпретировать результаты в пользу доминирующей церкви. Оппоненты В. Ф. Чесноковой и Ю. Ю. Синелиной предприняли попытку перенести акцент с самоидентификации на поведенческие практики. Так, С. Б. Филатов указывал:

«Наиболее простой, чаще всего используемый в социологической практике на Западе принцип определения принадлежности к церкви, включает один вопрос, касающийся только религиозной практики, «были ли Вы на богослужении в прошлое воскресенье?». Естественно, спрашивают не после Пасхи или Рождества (в США «да» отвечает до 50% опрошенных). В наших опросах его перестали задавать, так как положительные ответы слишком мало. У нас спрашивают: «Бываете ли Вы на богослужении раз в месяц или чаще?» На этот вопрос положительных ответов – 5–10%» [11, с. 42].

И тот, и другой подход, равно как и многочисленные «промежуточные» и «побочные» модели не отвечают требованиям современного обществознания. Одномерное строгое деление населения по конфессиональной принадлежности создаёт представление лишь о самоидентификации, причём самоидентификации поверхностной, не подкреплённой ни догматической убеждённости номинального верующего (может верить в реинкарнацию, гороскопы или даже сомневаться в существовании бога), ни практической деятельностью (верующий не ходит в церковь и никак не участвует в жизни общины), ни морально-нравственными установками (не стремится к соблюдению декалога, заповедей блаженных или иных поведенческих нормативов), ни социальными ориентирами (может критически относиться к политике церкви и деятельности её представителей).

Отметим, что в трудах западных философов и учёных (Ч. Тейлор, Т. Лукман и др.) кризис традиционной институциональной религиозности был обозначен ещё в 1970-е годы. Догматические конструкции в качестве объекта исследования и классификации уступили место частным религиозным убеждениям. На сегодняшний день в западных исследованиях имеет место выраженная тенденция к рассмотрению религиозной структуры с учётом не только (а зачастую и не столько) конфессиональной принадлежности, но всё в большей мере и степени религиозности респондентов. Последняя может

быть определена как посредством прямых вопросов («Вне зависимости от того, посещаете ли Вы места общественного богослужения или нет, Вы считаете себя религиозным человеком, нерелигиозным человеком или убежденным атеистом?»¹), так и на основе анализа ответов на иные вопросы, касающиеся их убеждений и социальной активности и коррелирующих со степенью религиозности. Обширный эмпирический материал для построений такого рода дают крупномасштабные международные программы социологических исследований, такие как World Values Surveys или исследования ассоциации «Gallup International/WIN».

Всё чаще конфессия рассматривается как один из элементов национально-культурного наследия. Так, например, Р. Инглхарт в своих работах в один ряд ставит традиционно-протестантские и англоязычные общества (хотя англиканство считается одной из ветвей протестантизма, а, например, Ирландия, отнесённая к англоязычной группе, является традиционно католическим государством). Традиционно мусульманские страны обособляются от посткоммунистических мусульманских стран.

Таким образом, постсекулярная эпоха требует отказаться от линейных, количественных оценок в пользу качественных моделей и многофакторного анализа. Методологической основой для этого может послужить концепция десяти степеней свободы-самостоятельности, разработанная доктором философских наук, профессором А. Г. Мясниковым.

Концепция десяти степеней свободы-самостоятельности как методологическая основа исследования религиозности

Концепция А. Г. Мясникова возникла как результат социально-философского анализа отношения свободы и традиционного сознания и включает в себя следующие основные элементы:

- матрица традиционного сознания [6, с. – модель десяти степеней свободы-самостоятельности [5, с.178];
- общая классификация т.н. «ловушек для свободы»² [6, с. 162].

Рассматривая свободу не как абстрактное понятие, а конкретно-практическую возможность и устремление индивида реализовывать свои возможности и ценностные установки, концепция вводит понятие свободы-самостоятельности и ранжирует её элементы («степени» или «уровни») в порядке достижения их человеком на протяжении его жизни. Приведём их иерархию:

1. Физическая – возможность двигаться, разговаривать, выполнять элементарные бытовые операции.

2. Психоземotionalная – осознание своей личности, своих желаний и внешних требований.

3. Интеллектуально-волевая – формирование личного целеполагания, базовых мировоззренческих понятий, представлений об ответственности.

4. Правовая – наступление юридического совершеннолетия и правовой ответственности.

5. Экономическая – получение профессионального образования, трудоустройство, становление материальной независимости.

6. Социальная – создание семьи, формирование и воспроизведение социальных связей.

7. Политическая – формирование продуманных политических предпочтений и участие в политических процессах.

8. Нравственно-религиозная – формирование системы личных нравственных правил, религиозно-метафизических взглядов, идеалов и нематериальных жизненных ориентиров, основанных на личном опыте и моральной автономии человека.

9. Творческая – свободное деятельное самовыражение и создание индивидуально определяемых материальных и нематериальных артефактов, выражающих волю, интерес и жизненные установки человека.

10. Гениальность – высшая степень самодостаточности, при которой результаты деятельности индивида обладают общенациональными или общечеловеческими значимостью, ценностью и признанием [5, с.178].

Здесь необходимо сделать ряд пояснений.

Во-первых, концепция не утверждает, что достижение предшествующей стадии является непременно условием формирования последующей. Например, достижение нравственно-религиозной самостоятельности (8 степень) возможно при не сформированной полностью самостоятельности политической (7 степень) в конкретных случаях. Однако она описывает логическую последовательность и утверждает, что каждый нижестоящий уровень формирует устойчивый базис и условия нормального конструирования вышестоящего. И если в отдельном случае личность может развиваться по своему индивидуальному пути, то статистически значимое большинство движется по мере своего развития именно по обозначенной траектории.

Во-вторых, не следует понимать приведённые степени формально. Так, само по себе наличие политических предпочтений не делает человека поли-

¹ См. www.Gallup-international.com

² «Ловушки для свободы» или «ловушки для практического разума» – морально-практические правила и жизненные установки, которые удерживают человека в состоянии несвободы, признавая его лишь феноменальным существом, зависящим от законов природы, обстоятельств, судьбы, других людей, от природных и социальных условий.

тически свободным и самостоятельным. Достижение данного уровня подразумевает их формирование вне императивного влияния внешних сил, внутреннюю аргументацию своего выбора и осознание своей ответственности за участие в общественных процессах. Более того, чем более высокую степень мы рассматриваем, тем сложнее будет подвести под неё некие формальные критерии.

В-третьих, не следует также мыслить каждую очередную степень как достигаемую раз и навсегда. Свободу-самостоятельность можно обрести и утратить. Более того, история человечества свидетельствует, что иногда её требуется подтверждать и отстаивать.

В-четвертых, не следует ставить знак равенства между свободой-самостоятельностью и юридическим правом. Наличие в условном государстве законодательно закреплённого всеобщего избирательного права, многопартийности и свободы слова (как формально, так и фактически) само по себе не делает всех его совершеннолетних граждан по умолчанию достигшими политической свободы-самостоятельности, свободы вероисповедания (свободы совести) – достигшими нравственно-религиозной свободы-самостоятельности. Разведение понятий религиозной свободы (religious freedom) и религиозной терпимости (religious tolerance) неоднократно подчёркивается в работах западных исследователей [18, 19]. В то же время эти юридические нормы, с одной стороны, будучи результатом желания членов общества закрепить за собой данные права, являются показателем достижения соответственного уровня. С другой стороны, выступают условием, в значительной мере способствующим формированию таковых личностных качеств у очередных поколений.

В-пятых, иерархия степеней свободы-самостоятельности описывает эволюцию отдельного человека. Однако собирательная оценка совокупности индивидов является также характеристикой большой социальной группы (населения государства, региона или иной правовой и географической общности людей). Так, говоря о том, что большинство граждан условного государства достигли n-ной степени свободы-самостоятельности, мы даём содержательную интегральную оценку такому государству и условиям, которые оно создает для личного развития индивида. Именно в этом мы видим главную эвристическую ценность рассматриваемой концепции.

Концепция А. Г. Мясникова была положена в основу социально-философского исследования состояния и развития свободы в постсоветском обществе, результаты которого были изложены в коллективной монографии «Эволюция свободы: теория и практика социально-философского конструктивизма». Значительная часть данной работы

посвящена анализу 8-го нравственно-религиозного уровня свободы-самостоятельности и включает как концептуальные построения, так и обработку эмпирического материала [12]. Ниже мы рассмотрим, дополним и разовьём некоторые из её положений.

Траектория исследования нравственно-религиозной свободы-самостоятельности

Как уже было отмечено, однозначно идентифицировать достижение высших уровней свободы-самостоятельности не представляется возможным. Более того, применительно к разным социальным общностям они будут иметь свою специфику. Это, однако, не лишает исследователя возможности сформулировать общие границы или минимально необходимые условия достижения этих уровней.

Применительно к 8-ому нравственно-религиозному уровню свободы-самостоятельности можно выделить 6 таковых критериев, подлежащих анализу исследователя (см. Таблицу 2). Оговоримся, что атеистическую, агностическую и иные нерелигиозные в собственном смысле позиции мы в интересах настоящего исследования также включаем в число возможных вариантов религиозно-метафизических взглядов человека.

Механизм формирования религиозно-метафизических установок человека непосредственно отследить практически невозможно. Даже интервьюирование респондента с прямой постановкой вопроса может не привести к желаемому результату. Во-первых, далеко не каждый человек в силах адекватно изложить свой путь в силу психологических особенностей, нехватки знаний и даже языковых средств. Во-вторых, анализируя самого себя, человек может не заметить или недооценить влияние на него некоторых факторов. В-третьих, может иметь место сознательное желание скрыть некоторые аспекты становления своей личности.

Поэтому исследователь вынужден строить предположения на основании косвенных данных. В этом качестве можно рассматривать трансформацию религиозных взглядов при их трансляции от поколения к поколению; доступность для индивида информации о различных учениях и степень его знакомства с ними; соотношение индивидуальных убеждений с доминирующей общественной позицией. При этом совпадение личной религиозности с «мэйнстримом» как таковое не является признаком несамостоятельности. В данном случае значение имеет не результат, а путь, приведший к нему [3, с. 93].

Один из самых информативных показателей – умение обосновать свою позицию. Следует обратить внимание на соотношение исторических доводов («вера семьи», «вера предков», «вера народа», «победы под знаменем веры») и аргументов нравственного, этического характера.

Таблица 2. Критерии развития нравственно-религиозной свободы-самостоятельности

Критерий	Признаки самостоятельности	Признаки несамостоятельности
Механизм формирования мировоззрения	Отношение к вере или к атеизму, которое формируется самостоятельно, в процессе рефлексии, свободной работы мысли личности	Формирование нравственно-религиозных представлений как результата действия императивов власти, влияния массовой культуры, (не-)одобрения общества
Сложность нравственно-метафизических конструкций	Отказ от более простых метафизических конструкций в пользу более сложных	Упрощение метафизических конструкций
Основание идентичности	Религиозная самоидентификация на основе личных убеждений	Религиозная самоидентификация как компромисс с обществом
Внутренняя логика убеждений	Элементы нравственно-религиозных убеждений не противоречат друг другу (в идеале – дополняют друг друга)	Совмещение противоречащих друг другу элементов веры
Сфера практического применения метафизических конструкций ³	Метафизические установки преимущественно влияют на нравственный поведенческий выбор индивида. Молитвенное обращение и иная духовная активность призваны улучшить самого человека	Метафизические установки находят практическое отражение в следовании культуре и обрядности. Молитвенное обращение и иная духовная активность имеют целью найти сверхъестественное содействие в решении частных бытовых вопросов
Ограничение метафизической сферы	Чёткое разграничение метафизических представлений и политических взглядов, бытовых привычек и т. п.	Вытеснение атрибутов духовной жизни в утилитарную и даже развлекательную сферу

Источник: разработано автором, в первоначальном варианте опубликовано в [12, с. 84]

Сложность нравственно-метафизических конструкций хорошо прослеживается по духовным практикам человека. Свидетельством низкого уровня развития нравственно-религиозной свободы-самостоятельности являются артефакты императивного магизма, призванные сверхъестественным образом обеспечить человеку некую практическую выгоду: талисманы, гадания, гороскопы, приметы и т. п. В эту же категорию попадают и те аспекты церковной жизни, которые претендуют на «чудесную» природу (исцеления, отчитка, мироточащие иконы, чудотворные мощи и т. п.).

Противоположной тенденцией является отказ от попыток управлять сверхъестественными силами в пользу молитвенного прошения, использование религии как инструмента преобразования самого себя, а не окружающей действительности.

Материал для анализа данного критерия представляет изучение «рынка духовных услуг». Так, для 90-х годов XX века характерны рост популярности магов и экстрасенсов (А. Чумак, А. Кашпировский, Ю. Лонго); явление младостарчества внутри РПЦ; увеличение влияния нетипичных для России религиозных учений (кришнаиты, протестанты-пятидесятники и т. д.) и сект; востребованность оккультной и эзотерической литературы. С началом XXI века эта тенденция пошла на спад, однако те или иные артефакты её по-прежнему сохраняются

в значительном количестве.

Конфессиональная принадлежность как компонент и **основание идентичности** уже отчасти рассматривалась выше в разрезе статистических данных. Отметим, что внимание исследователя должны привлекать также и механизмы формирования этих цифр, в том числе жизненных установок, полагающих некую предопределённость конфессионального выбора, в крайних формах – отсутствие такового в принципе. Такие установки имеют признаки ловушек для практического разума: «Я русский – значит, я православный», «Почему ты не верующий? Ты же крещёный» и т. п.

Внутренняя логика убеждений подразумевает взаимную непротиворечивость метафизических установок. Эклектичная религиозность, характерная для постсекулярной эпохи, подразумевает совмещение одним человеком элементов различных доктрин либо избирательное принятие некоторых элементов одной доктрины. При этом некоторые из них могут противоречить друг другу – явным образом (например, вера в рай и ад и одновременно в реинкарнацию) или на более глубинном, требующем аналитического разбора уровне (вера в телесное воскресение Христа и в реинкарнацию) [3, с. 98]. Первый вариант уже довольно длительное время является предметом интереса социологов, результатом чего становятся публикации с говорящими

³ В работе «Эволюция свободы: теория и практика социально-философского конструктивизма» было выделено 5 критериев. Критерий «Сфера практического применения метафизических конструкций» добавлен в результате дальнейшей разработки методики.

заголовками в духе «30% православных считают, что Бога нет»⁴.

Сфера практического применения метафизических конструкций составляет глубоко личную сторону жизни человека. По большому счёту, данный критерий является попыткой ответить на вопрос «Делают ли метафизические представления их носителя лучше, нравственнее?» Пытаться наблюдать и оценивать его непосредственно не только невозможно, но в определённой мере даже неэтично. Однако у исследователя остается возможность делать выводы с помощью инструментов, предоставляющих косвенные данные. Так, в состав опросников при проведении социологических исследований религиозности может быть включён вопрос вида «О чём вы обычно просите бога / высшие силы во время молитвы?»

Материал для исследования может дать также изучение общественной дискуссии по некоторым вопросам, если есть возможность соотнести высказываемые мнения с носителями тех или иных религиозных убеждений. Особо показательны в этом отношении такие вопросы, где в противоречие вступают гуманность и целесообразность (например, тема применения смертной казни). Возможно, в последующем для этих целей будет использоваться анализ контента социальных сетей.

Ограничение метафизической сферы. Вытеснение элементов духовной жизни в иные сферы человеческого бытия служит индикатором уровня нравственно-религиозной свободы-самостоятельности. В некоторых случаях такое вытеснение может принять вид профанации религиозных ценностей. Пожалуй, наиболее известным примером такого рода стало крещенское купание, которое зачастую носит развлекательный характер – что, впрочем, не является показателем для людей, не считающих себя православными. Не менее иллюстративен и вопрос, связывают ли купающиеся это действо со сверхъестественным «очищением от грехов» (что, по сути, является примером примитивного магизма).

Анализ структуры общества: конфессиональная принадлежность и типы религиозности

Очевидно, что строгое конфессиональное деление населения в контексте данного метода может претендовать лишь на дополняющий, иллюстративный характер. В качестве альтернативной статистической основы могут рассматриваться так называемые типы религиозности, которые предпо-

лагают совпадение включённых в них индивидов по ряду существенных факторов. Общепринятого перечня таковых факторов на сегодняшний день не сформулировано, однако, отталкиваясь от публикаций в профильных изданиях, в число основных можно включить следующие пункты:

1) Самоидентификация – причисляет ли себя человек к определенной конфессии (например, православию).

2) Догматическая грамотность – знаком ли человек с основными вероучительными положениями своей конфессии и разделяет ли их (например, для православного: вера в троичность Бога, богочеловеческую природу Христа, в Его физическое воскресение из мёртвых и т. д.).

3) Нравственный аспект – стремится ли человек к обретению тех моральных качеств, которые культивирует его вера (например, для православного: самопожертвование, милосердие, способность прощать и любить своих врагов).

4) Культ – принимает ли человек участие в обрядах, таинствах, жизни общины (например, для православного: причастие, исповедь, индивидуальная и церковная молитва).

5) Пасторский аспект – принимает ли человек в качестве авторитетов представителей религиозных организаций, к которым себя причисляет (например, для православных: публичные заявления Патриарха, епископов и священников, наставления духовника и т. д.) [12, с. 50].

6) Отношение к представителям других конфессий – в современном мире, когда контакты представителей разных культур стали повседневной реальностью и часто носят конфликтный характер, этот аспект играет все более существенную роль.

Характерно, что большинство пунктов этого перечня (в отличии, например, от составляющих уже упомянутого В-индекса В. Ф. Чесноковой) не может быть оценено в количественных показателях.

Отдельные типы религиозности на сегодняшний день уже сформулированы и являются предметом философского и научного исследования: молодёжная внецерковная религиозность, консервативная религиозность на национальной основе, индифферентная религиозность со склонностью к мистицизму, замещающая религиозность, гражданская религиозность, киберрелигиозность [4, с. 190]. Однако формирование более или менее полного их перечня и его применение в научной работе – задача будущих исследований.

Классификация по признаку типа религиозности несёт в себе гораздо больший эвристический

⁴ Митрохин Н. 30% православных считают, что Бога нет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://takiedela.ru/2017/04/takaya-rossiya-cerkov/> (дата обращения: 07.12.2021).

потенциал, чем простое деление на конфессиональном основании, позволяя выделить содержательно однородные группы населения. Представители одной формальной религиозной общности могут совершенно по-разному реагировать на одни и те же события, относиться к заявлениям, программам и действиям духовных и политических лидеров и медийных персон, демонстрировать различную степень вовлеченности в общественные процессы и, что немаловажно, их понимания. Особо это справедливо для такой многомиллионной и неоднородной организации, как Русская православная церковь. Отметим, что влияние метафизических представлений на политическую активность может носить как очевидный, так и вполне неожиданный характер — этот вопрос достаточно подробно рассмотрен в работах западных ученых [15, 16, 17, 20], в то время как в отечественных исследованиях разработан значительно меньше.

В противовес этому от носителей одного типа религиозности мы можем ожидать, что схожесть (вряд ли здесь уместно говорить о «единстве») их взглядов будет коррелировать с определёнными моделями социальной активности. Это объясняется тем, что данный показатель включает в себе не только номинальную принадлежность и не ограничивается собственно религиозно-метафизическими убеждениями человека, но отражает саму его манеру мыслить, аргументировать свои взгляды, сочетать и выстраивать в иерархию в своём сознании и поведении ценности «надмирные» и «мирские».

Заключение: российская постсекулярность в контексте нравственно-метафизической свободы-самостоятельности

Систематизированные приведённым выше образом эмпирические данные обретают концептуальную целостность, будучи рассмотренными через призму модели десяти степеней свободы-самостоятельности. Анализ данных социологических исследований (равно как и повседневного опыта) позволяет в качестве основных существенных черт постсоветской религиозности указать её социально-прагматическую ориентированность и поверхностный характер. Даже в отрыве от ориентации на культ и ритуальные действия основной запрос в духовной сфере направлен на преобразования окружающей реальности, условий бытия («Спаси меня, Господи», «Дай Бог здоровья и благополучия мне и моим родственникам» и т. п.), а не нравственного преобразования самого просящего. При таком утилитарном подходе россияне не видят проблемы ни в синкретизме, ни в противоречивости своих метафизических представлений.

Продвижение к автономной морали и нравственной свободе затруднено рядом факторов, лежащих как в политической, экономической и бытовой

плоскости, так и в собственно духовной. Среди последних можно выделить следующие:

1) Разорванность самой религиозной традиции государственным атеизмом советской эпохи.

2) Стихийный и вынужденный характер самоопределения после резкого обрушения прежней советской идеологии.

3) Рационально-скептическое отношение к институту церкви, религиозным практикам и самим верованиям.

4) Особенности православной веры, к которой номинально причисляют себя большинство наших соотечественников: сложность доктрины (триадология, сотериология и т. д.), непрактичность нравственных ориентиров («Любите врагов ваших...») (Мф. 5:44), «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их» (Мф. 6:26) и т. д.).

Таким образом, большинство россиян не доходят до самостоятельно и критически продуманных целостных нравственно-религиозных убеждений (т. е. до 8-го уровня свободы-самостоятельности), оставаясь преимущественно на 6-ом уровне с его социально-практической мотивацией, ориентированной на социальные традиции выживания этноса в экстремальных условиях.

Приведённые в настоящей статье соображения можно суммировать в следующих тезисах:

1. В реалиях современного постсекулярного общества попытки осуществить формальное конфессиональное разделение населения постепенно теряют свою научную ценность. Исследования, проводимые в этом направлении, зачастую сводятся к поиску однозначного основания для отнесения респондента к той или иной церковной деноминации (или к неверующим) — и тем самым замыкаются на самих себе и фактически являются попыткой обоснования собственной актуальности. Альтернативным подходом является качественный содержательный анализ религиозно-метафизических представлений, не привязанный жестким образом к конфессиональной принадлежности.

2. В качестве концептуальной и методологической основы социально-философского исследования религиозности может быть использована модель десяти степеней свободы-самостоятельности. Особый интерес представляет её применение при изучении постсоветского периода нашего государства.

3. Анализ нравственно-религиозной свободы-самостоятельности включает исследование таких факторов, как механизм формирования мировоззрения, сложность нравственно-метафизических конструкций, сфера их практического применения, основание идентичности, внутренняя логика убеждений, ограничения метафизической сферы. Данный перечень не является исчерпывающим и может

быть расширен в ходе дальнейших методологических разработок.

4. В рамках данного приведённого подхода структура общества может быть описана через типы религиозности, группирующие индивидов на основе набора как качественных, так и количественных факторов (самоидентификация, догматическая грамотность, нравственный, культовый, пасторский аспекты, отношение к представителям других конфессий и т. д.).

5. Описанная методология позволяет рассмотреть нравственно-религиозные конструкты индивидов, с двух, в некотором смысле, полярных точек зрения: с одной стороны, как результат и индикатор сложившихся в обществе политических,

экономических, социальных и культурных условий развития личности; с другой – как фактор, который будет определять направления и темпы преобразования этого общества. Отталкиваясь от результатов анализа, исследователь получает возможность, во-первых, создавать прогностические модели, а во-вторых (и это главное), ответить на вопрос, что в общественном сознании способствует движению вперёд, а что ему препятствует.

6. Предлагаемая методология может быть развита и усовершенствована в ходе дальнейших исследований. В частности, возможно расширить перечень критериев развития нравственно-религиозной свободы-самостоятельности, а также факторов, формирующих тот или иной тип религиозности.

Литература

1. Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа – М.: Весь Мир. – 2018. – 384 с.
2. Задорин И. В., Хомякова А. П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2019. – № 3 (94). – С. 161–184. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184.
3. Зоркая Н. А. Православие в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. – 2013. – № 1. – С. 89–106.
4. Каргина И. Г. Новые религиозности: социологические рефлексии // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2 (23). – С. 186–193.
5. Мясников А. Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 174–186. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.12.
6. Происхождение, структура и функции ловушек для свободы: социально-философский анализ / А. Г. Мясников [и др.] // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8. – № 2А. – С. 158–170.
7. Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 89–96.
8. Синелина Ю. Ю. Этапы изменения религиозности населения в России (1989-2006) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 4. – С. 77–88.
9. Спичкова Е. А. Категория «религиозность»: к поиску новых смыслов // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2017. – № 15. – С. 146–149.
10. Фетисов М. Политическая теология и секуляризация: О настойчивости одного понятия // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 3–55. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-30-55.
11. Филагов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // СоцИс. – 2005. – № 6. – С. 35–45.
12. Чернецов М. А. Религиозные аспекты эволюции свободы в постсоветском обществе // Эволюция свободы: теория и практика социально-философского конструктивизма: монография / под науч. ред. А. Г. Мясникова. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. – С. 32–102.
13. Чернецов М. А. Современные особенности формирования религиозно-метафизических представлений россиян: социально-философский анализ // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Секции (I). Сборник научных статей. – М.: Издательство «Логос». – 2020. – С. 1294–1297.
14. Чистякова О. В. Общество и религия в постсекулярную эпоху: теоретические подходы и эмпирическое взаимодействие // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2016. – № 2. – С. 43–51.
15. Froese P. (2014) Religion and American Politics from a Global Perspective. Religions, No. 5, pp. 648–662. DOI:10.3390/rel5030648. (In Eng.).
16. Habermas J. (2011) «The Political»: The Rational Meaning of a Questionable Inheritance of Political Theology. In: Butler J. et al. The Power of Religion in the Public Sphere. N. Y.: Columbia University Press, pp. 15–33. (In Eng.).
17. Köllner T. (2020) Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority. London: Routledge. 178 p. DOI:10.4324/9780429424632. (In Eng.).

18. Migacheva K., Frederick B. (eds.) (2018) Religion, Conflict, and Stability in the Former Soviet Union. Santa Monica: RAND Corporation. 243 p. (In Eng.).
19. Poole R. A., Werth P. W. (eds.) (2018) Religious Freedom in Modern Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 314 p. (In Eng.).
20. Riccardi-Swartz S. (2021) American Conservatives and the Allure of Post-Soviet Russian Orthodoxy. *Religions*, No 12: 1036. <https://doi.org/10.3390/rel12121036>. (In Eng.).

References

1. Gorshkov, M. K., Petukhov, V. V. (eds.) (2018) *Dvadtsat Pyat Let Rossiiskikh Transformatsii: Opyt Sotsiologicheskogo Analiza* [Twenty-Five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis]. Moscow: Ves Mir Publ, 384 p.
2. Zadorin, I. V., Khomyakova, A. P. (2019) [Religious self-identification of respondents in mass surveys: what is behind declared religiosity]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. [Politeia: Analysis. Chronicle. Prognosis]. Vol. 3 (94), pp. 161–184. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184. (In Russ., abstract in Eng.).
3. Zorkaya, N. A. (2013) [Orthodoxy in the post-Soviet Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], Vol. 1, pp. 89–106. (In Russ., abstract in Eng.).
4. Kargina, I. G. (2012) [New Religiosities: Sociological Reflections]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. Vol. 2 (23), pp. 186–193. (In Russ., abstract in Eng.).
5. Myasnikov, A. G. (2017) [The right to lie as a trap for freedom]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. Vol. 5, pp. 174–186. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.12. (In Russ., abstract in Eng.).
6. Myasnikov, A. G. et al (2019) [The origin, structure and functions of traps for freedom: socio-philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. Vol. 8 (2A), pp. 158–170. (In Russ., abstract in Eng.).
7. Sinelina, Yu. Yu. (2001) [On the criteria for determining the religiosity of the population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 7, pp. 89–96. (In Russ.).
8. Sinelina, Yu. Yu. (2009) [Stages in the religiousness changes in the population of Russia (1989–2006)]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. Vol. 4, pp. 77–88. (In Russ.).
9. Spichkova, E. A. (2017) [The category «religion»: to search for new meanings]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State University]. Series 9: Young Scientists' Research. No. 15, pp. 146–149. (In Russ., abstract in Eng.).
10. Fetisov, M. (2018) [Political Theology and Secularization: On the Inexorability of a Concept]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 17, No. 3, pp. 30–55. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-30-55. (In Russ., abstract in Eng.).
11. Filatov, S. B., Lunkin, R. N. (2005) [Statistics of Russian Religiosity: Magic of Numbers and Ambiguity of Reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 6, pp. 35–45. (In Russ.).
12. Chernetsov, M. A. (2020) [Religious aspects of the evolution of freedom in post-Soviet society]. *Evolyuetsiya svobody: teoriya i praktika sotsial'no-filosofskogo konstruktivizma* [Evolution of freedom: theory and practice of socio-philosophical constructivism]. Penza: Penzenskii Gos. Univ. Publ., pp. 32–102. (In Russ.).
13. Chernetsov, M. A. (2020) [Modern features of the formation of Russians' religious and metaphysical representations: a socio-philosophical analysis]. *Vos'moi Rossiiskii Filosofskii Kongress – «Filosofiya v polittsentrichnom mire»*. *Seksii (I). Sbornik nauchnykh statei* [VIII Russian Philosophy Congress – «Philosophy in a polycentric world». Section (I). Collection of scientific articles]. Moscow: Logos Publ., pp. 1294–1297. (In Russ., abstract in Eng.).
14. Chistyakova, O. V. (2016) [Society and religion in a postsecular age: theoretical approaches and empirical interaction]. *Vestnik RUDN. Seriya Filosofiya*. [RUDN Journal of Philosophy]. Vol. 2, pp. 43–51. (In Russ., abstract in Eng.).
15. Froese, P. (2014) Religion and American Politics from a Global Perspective. *Religions*, No. 5, pp. 648–662. DOI:10.3390/rel5030648. (In Eng.).
16. Habermas, J. (2011) «The Political»: The Rational Meaning of a Questionable Inheritance of Political Theology. In: Butler J. et al. *The Power of Religion in the Public Sphere*. N.Y.: *Columbia University Press*, pp. 15–33. (In Eng.).
17. Köllner, T. (2020) Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority. *London: Routledge*, 178 p. DOI:10.4324/9780429424632. (In Eng.).
18. Migacheva, K., Frederick, B. (2018) Religion, Conflict, and Stability in the Former Soviet Union. *Santa Monica: RAND Corporation*, 243 p. (In Eng.).

19. Poole, R. A., Werth, P. W. (eds.) (2018) Religious Freedom in Modern Russia. *Pittsburgh: University of Pittsburgh Press*, 314 p. (In Eng.).

20. Riccardi-Swartz, S. (2021) American Conservatives and the Allure of Post-Soviet Russian Orthodoxy. *Religions*, No 12: 1036. <https://doi.org/10.3390/rel12121036>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Михаил Андреевич Чернецов, аспирант, направление подготовки 47.06.01 Философия, этика и религиозиеведение, кафедра теории и практики социальной работы, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

e-mail: mseqtor@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 17.01.2022; принята в печать: 09.02.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Mikhail Andreevich Chernetsov, postgraduate student, training program 47.06.01 Philosophy, Ethics and Religious studies, Department of theory and practice of social work, Penza State University, Penza, Russia

e-mail: mseqtor@gmail.com

The paper was submitted: 17.01.2022.

Accepted for publication: 09.02.2022.

The author has read and approved the final manuscript.